

ТАТЬЯНА ЧЕБАТУРКИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ - 2

Татьяна Чебатуркина
Возвращение-2. Повесть

«Издательские решения»

Чебатуркина Т. А.

Возвращение-2. Повесть / Т. А. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855874-0

Повесть «Возвращение-2» — продолжение истории любви двух молодых людей, встретившихся после долгой разлуки. Они пытаются узнать и понять друг друга. Ведь в жизни самое главное, чтобы рядом был тот человек, который предан тебе, для которого в данный момент ты — единственная и неповторимая, — и тогда весь мир сужается только в пространство для двоих. Преданность родной земле, верность юношеской дружбе — вот, что объединяет всех героев повести, несмотря на пролетевшие годы и разные судьбы.

ISBN 978-5-44-855874-0

© Чебатуркина Т. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. ВСТРЕЧА В ВОЛГОГРАДЕ	6
Глава 2. В МОСКВЕ	9
Глава 3. НЕОЖИДАННОЕ ИЗВЕСТИЕ	13
Глава 4. ЭРИКА	17
Глава 5. ЗНАКОМСТВО	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Возвращение-2

Повесть

Татьяна Александровна Чебатуркина

*Да, ты такой, каким тебя люблю:
Порывистый, настойчивый, не лгуций,
Подобно небольшому кораблю,
Навстречу ветру и штормам идущий.*

*Как нелегко и как легко с тобой,
В тебе всечасно вижу перемены,
Но, то не мыслей пестрый разнобой,
Не чувств игра, не ветреность измены,*

*А редкая способность воплощать
В себе черты стремительного века,
В себе самом и в людях не прощать
Того, что недостойно человека.*

Людмила Татьяничева

Редактор Ольга Викторовна Ананьева

© Татьяна Александровна Чебатуркина, 2017

ISBN 978-5-4485-5874-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. ВСТРЕЧА В ВОЛГОГРАДЕ

Для себя Саша решила: поеду к Жене в Москву, наконец-то, на зимние каникулы. Но в начале декабря по графику предметной переподготовки, о котором она просто напросто забыла, ее направили на двухнедельные курсы Волгоградской академии повышения квалификации. И эти дополнительные каникулы в середине учебного года были, как никогда, кстати.

Аннушка заметно выросла, превратившись за осенние месяцы разлуки из девочки – пампушки, неокрепшего, немножко зажатого, стеснительного птенчика, в высокую, стройную девушку – подсвечник. Но природную грацию и изящество смазывал разрекламированный и принятый молодежью штампованный тип подростка неизвестного пола в узких модных джинсах, в темной куртке, без головного убора, с распущенными, неровно постриженными прядями крашенных, распрямленных волос, в опорках без каблучков, с неизменным рюкзачком за плечами и несоразмерно большим хомутом пестрого шарфа вокруг вечно проблемного горла.

Саша почувствовала себя вдруг такой древней старушкой, которой, возможно, предстояло стать через несколько близких лет относительно молодой бабушкой, если дочь пойдет по ее стопам и, влюбившись, выскочит замуж, как она сама когда-то выскочила в восемнадцать лет.

И предстоящий разговор о беременности, о будущем пополнении их маленькой семьи сразу двумя мужчинами, как-то не вписывался в радостные объятия с соскучившейся доченькой, а тем более во встречу и откровения со строго-непримиримой свекровью Анной Алексеевной.

Саша, держа за руку Аннушку, сразу же на автовокзале договорилась с шофером такси, чтобы он завез их по пути в приличный кондитерский магазин за шоколадным тортом.

Анна Алексеевна откровенно сдала. С трудом вставала, ходила, прихрамывая на левую ногу, ночью ее деревянная кровать с металлическим пружинным матрасом беспокойно скрипела. И этот разительный контраст расцветающего свежего бутона – Аннушки – и заметно угасающей, такой сильной некогда женщины, бывшего директора большой городской школы, похоронившей безвременно мужа (обширный инфаркт прямо на работе), а потом сына (в результате наезда груженого самосвала на скромное «Жигули») заставил Сашу молчать. Не хотелось наносить этот откровенный удар бедной женщине и превращать двухнедельные курсы в сплошную панихиду с постоянным монологом: «У тебя романы с мужиками, а моего ненаглядного сыночка ты что-то быстро забыла. Вот какая твоя любовь и верность навечно».

Эта правда била Сашу нестерпимо жестоко, невыносимо больно даже, если и не была произнесена пока никем вслух. Это мысленное самобичевание она испытывала постоянно, с первых минут приезда.

«Мне нельзя нервничать, и, вообще, нужно было включать голову раньше, а теперь – что же?» – говорила сама себе Саша, но быть причиной слез и полного расстройства для одинокой несчастной женщины она не хотела. Да и неизвестно, как Аннушка отреагирует на появление новоявленного отчима в семье.

В субботу, сколько Саша себя помнила, у них в семье всегда пекли пироги или, на крайний случай, пирожки. Запах печеного теста, незатейливой капустной начинки, яблок с корицей, сдобы наполнял все пространство большого дома, и все были рады и сыты, попивая чаек с большим куском пирога или плюшкой.

Саша поставила тесто. И была рада увидеть довольную, улыбающуюся свекровь, которая, словно очнулась от испугавшей Сашу вчера вечером старческой немощи и окунулась в прежние кухонные хлопоты домовитой донской казачки.

– Так вот, Саша, что я тебе скажу, – Анна Алексеевна крошила яблоки, – хватит девочку сиротить при живой матери, Перебирайся после окончания учебного года в Волгоград. Я тебя

пропишу. Квартира, хоть и двухкомнатная, у нас большая. Разместишься на диване в Аннушкиной комнате, а я в зале останусь. Кухня станет гостиной. Люди по шесть – семь человек в таких квартирах умещаются.

Саша достала из духовки удачно запекшуюся пиццу, любимое Аннушкино блюдо, сделанное по проверенному рецепту из Интернета.

– Да, да, мамуля, переезжай скорее! Будешь нам через день пиццу печь, а то бабуля сопротивляется. Боится, что я растолстею, – Аннушка отхватила себе приличный кусок и сновала по кухне, размахивая тарелкой, чтобы скорее остыла колбасно-сырно-томатная начинка на тонком кусочке теста.

И тут проснулся телефон. Это звонил Женя. Отделаться короткими «Да», «Нет» было невозможно. Саша заскочила в ванную комнату.

– Сашенька, я больше без тебя не могу и не хочу. Взял отпуск на неделю и завтра выезжаю к тебе. И собирай вещи. Я без тебя в Москву не вернусь. Давай в селе регистрируем наш союз. Хочешь, потерпи до Москвы. Я хочу быть семейным человеком, – Саша слышала его тревожный, взволнованный, расстроенный голос. Стенки в ванной комнате были тонкие. Маленькое окно под потолком выходило на кухню, и даже шум душа был отчетливо слышен в тишине, когда не работал телевизор.

– Женя, я тебе перезвоню позже, после десяти часов вечера. Я в Волгограде у дочери на двухнедельных учительских курсах. Мой ты хороший! Подожди! На зимние каникулы я точно приеду в Москву.

Эта вилка неопределенности с такими острыми отточенными концами упиралась прямо в сердце и была похуже камня выбора на дороге жизни: налево пойдешь, направо пойдешь, а, может быть, тебя угораздит потопать прямо? Самое главное – обратной дороги назад просто не было

Когда все улеглись, и засопела на своей кровати, слегка постанывая, Анна Алексеевна, Саша оделась потеплее и вышла на улицу. И окунулась в прекрасный зимний городской вечер с занесенными снегом машинами под прожекторами теплого домашнего света, лившегося из прямоугольников окон давно обжитой девятиэтажки на улице Тулака. Прошла неторопливо мимо группы подростков с гитарой на холодной лавочке в глубине двора у крайнего подъезда, мимо двух молоденьких мам с колясками, закаляющих своих неугомонных чад на легком морозце под осыпающейся с веток деревьев и проводов невесомой снежной пылью. А голос Жени был рядом, здесь, во дворе, словно она стояла к нему спиной, слушая его обиженный монолог, и, казалось, нужно только секундное усилие, чтобы крутануться на каблучках и оказаться в его знакомых объятиях.

– Сашенька! Я понял, что ты в городе? Завтра же первым рейсом я прилечу в Волгоград на два дня. Гостиницу я уже заказал. А ты сбежишь с занятий. И это будет второй город нашей встречи. А следующий город – Москва. Ты про нас ничего дочери не сказала? Я так и знал. Запутаешь все в клубок – потом будут проблемы. Сашенька, я устал быть один. Опять теряем время. И так уже столько потеряно, не измеришь. До завтра, любимая моя.

Почему при каждой очередной встрече в их взаимоотношениях был, точно какой-то взрыв, – от радости и близости, от некоторой новизны, их похожести и различия, возможности снова, как в первый раз, ощутить это быющее чувство неожиданности, понимания или просто физическое притяжение, стремление к обладанию, свобода в выражении чувств?

Все это она ощутила, когда позже в номере современного отеля на берегу Волги, подальше от центра города, где также сохранялась большая вероятность встречи с земляками, они провели вечер и ночь. Домой позвонила и соврала, что отправилась в гости к подруге в город Волжский. И здесь расстроился Женя, с трудом скрывая свое недовольство, когда она сказала, что будет с ним только до утра:

– У нашей группы серьезный экзамен по математике. Да и перед дочерью неудобно.

И уже под утро на ее шутливое замечание вскользь, без всякого прикола:

«У каждого свободного мужчины в большом городе – такие большие возможности встретить свою любовь или просто иметь связь с понравившейся женщиной» – вдруг вызвало взрыв. Женя почему-то перевел ее слова именно на себя, чего Саша, конечно же, не ожидала:

– Почему вы, женщины, думаете о мужчинах, как о существах более низкого происхождения, которые с раннего утра до позднего вечера только и думают, как осчастливить вторую половину человечества, наградив их своими мужскими клетками и испытывая неземную страсть с первой попавшейся, симпатичной самкой? Вы же сами не накидываетесь по дороге на работу на понравившегося мужчину, а спокойно идете себе дальше, может быть, лишь мысленно представ на мгновение сцену знакомства с ним и даже продолжение вдруг завязавшегося романа, но фактически через полчаса уже забываете о нем?

И это был другой Женя, которого она еще не знала, – такой категоричный, привыкший командовать и не терпящий возражений. Эти нотки властности, решительности пока проскальзывали изредка, но в смеси, в сочетании с его предупредительностью, нежностью были практически незаметны.

«Мой командир», – подумала Саша, и от той полноты чувств, которые давали им обоим их такие редкие минуты близости, это новое открытие Жени снова повернуло мысли на давно назревшую, вечную проблему: «Что делать? Остаться в селе матерью-одиночкой и потерять Женю? Или ухватиться за его предложение руки и сердца, выйти замуж, а потом, если что не получится из этого брака, резать по живому и делить сына через суды, как стало модно в непутевых семьях? Почему могло не получиться?» – об этом не хотела даже думать. «Но вдруг они охладят друг к другу? И в этой роли любовницы Саша не может быть вечно».

– Иди ко мне и не злись, мой командир, – произнесла Саша вслух. – Ровно через две недели я буду у тебя в Москве. Согласен?

Утром на такси он довез ее до здания академии. Минуту они стояли, держась за руки у входной двери, как последние влюбленные, на глазах у закурившего водителя.

Мимо торопливо грохотали неисчезнувшие пока с улиц города трамваи, подвозившие ранних посетителей к известному рынку. А Саша мысленно опять читала про себя молитву про странствующих и путешествующих, стесняясь здесь, на улице обнять своего Женю. Только провела ладонью, не удержалась, погладила по гладко выбритой щеке, вспыхнув от смущения:

– Жди в Москве.

Машина нырнула в спешащий поток троллейбусов, маршруток, шикарных авто, а Саша поднялась в аудиторию сдавать пробный ЕГЭ по математике на оценку.

Нет одиночества, когда веришь и любишь.

Глава 2. В МОСКВЕ

Билетов до Москвы в предварительной кассе Палласовки не было ни в купе, ни в плацкартные вагоны уже за две недели вперед, по тридцать первое декабря включительно. Массовое переселение студентов, гостей, родственников, трудящегося люда в преддверии длительных новогодних каникул для всей страны напоминало осенний отлет пернатых. Вроде все хорошо – и тепло, и привычно, и сытно, но надо срываться домой. Женя накануне немецкого рождества позвонил и предложил улететь в тепло курортов Египта, но потом решили, что в Сашином положении лучше не рисковать.

Саша взяла билет в купе на первое января. Когда позвонила Жене, он расстроился и предложил самому приехать к ней, чтобы вместе встретить Новый год. Но тогда отпадал Сашин приезд в Москву. Или предстояло долгое, однотонное, укачивающее плавание в машине по заснеженным дорогам с их вечными непредсказуемыми заносами и возможностью вообще остаться на ночевку в сугробах на перенесенной неожиданным ночным снегопадом трассе, или в каком-нибудь овраге.

И не было никакой гарантии, что после праздничных новогодних салютов отыщется в глухомани даже за большие деньги действующий бульдозер и работоспособный тракторист.

Таксист ранним утром первого января тоже был хмурый, сонный, на приветствие что-то невнятно буркнул и молчал всю дорогу, врубив на полную мощность динамика какие-то персидские мотивы, чтобы не уснуть. Саша любила дороги и, садясь в машину, даже после аварии с Костей, всегда верила в счастливую поездку.

Снега выпало в декабре много, но неожиданный ледяной дождь и потепление подгребли сугробы, и опять чернели вдоль дороги обширные, заросшие сухой травой, еле-еле притрушенные снежной крупой проплешины земли.

В купе до самой Москвы Саша ехала одна. Сначала, до Саратова еще думала, что кого-нибудь принесет нелегкая, а после недолгой стоянки в городе переделалась в теплый халат и улеглась под одеяло с книжкой, прихватив под спину пару чужих подушек без наволочек.

В последнее время совсем замкнулась в своем кружке домашних, хотя даже мама с отцом, с их немymi вопросами в глазах: «Как ты?» отвлекали ненадолго от того непонятного состояния покоя, умиротворения, когда ты, словно в резиновой большой лодке плывешь по течению неширокой степной речки без весел, без напряжения, куда воде заблагорассудится, куда ей захочется. И смотришь или в бесконечность небесной шири, или в такой близкий, но чужой, живущий своей непохожей, загадочной жизнью, подводный мир.

Ушли в сторону, испарились какие-то мелочные шараханья от резкого случайного выпада на педсовете в твой адрес администрации школы по поводу поведения учеников на уроке пения, появления скандальной мамы после двоек за диктант по русскому языку, пропусков девочками без уважительной причины уроков физкультуры. Вся эта мелочевка ушла на второй, даже на третий план, и Саша подчас ловила себя на мысли, действительно, ли нужно было в прежней жизни так много сил, энергии и нервов отдавать решению таких, сегодня, на ее взгляд, обычных проблем.

Может быть, это просто была защитная реакция организма в период вынашивания ребенка отгородиться от негатива повседневной жизни, или она устала от вечного напряжения школьной, да и, вообще, повседневной жизни, когда, как запряженная в телегу лошадь, бежишь по дороге уже по инерции, без кнута, только под резкое дерганье поводьев.

Тишина купе без попутчиков была еще одним плюсом к долгожданной поездке. И, что удивительно, – она даже не думала о предстоящей встрече с Женей, о том, что будет потом. Снова здесь жизнь поставила спасительный барьер в виде беременности – все будет нормально.

Зачем заранее рисовать картины черной или наоборот пронзительными, убийственно-разноцветными красками, если то, что предстоит, уже кем-то свыше predetermined?

Саша сама удивлялась себе. Перед поездкой был недлинный разговор с обиженной све-кровью: «Аннушка слегка простудилась, на каникулы домой не поедет. И, вообще, составлена специальная программа развлечений и отдыха для девочки в городе, которую планировали явно без участия матери, раз она так зацепилась за свое село и не желает, хоть раз в жизни, послушать советы и пожелания ее, Анны Алексеевны». И даже после этого разговора Саша спокойно сказала себе: «Поживем, увидим. Может быть, возьмем в Москве билеты до Волгограда, заявимся с Женькой в гости и сразу расставим все точки». Саша написала заявление директору школы на дополнительный отпуск по семейным обстоятельствам до первого февраля за свой счет.

Она понимала, что эта отстраненность, самоуглубление пройдут, как только малыш появится и заставит снова быть деятельной, решительной, успевать все и сразу, вертеться на одной ножке, вероятнее всего, как знать, полагаться, в основном, только на себя.

Рано утром второго января на перроне Павелецкого вокзала, в традиционно второй праздничный день было почти безлюдно. В хмуром безразличном свете непотушенных фонарей не спеша заметала сухая морозная поземка, но пока маленькие намеки на большие сугробы никто не чистил.

Женька так крепко схватил ее в объятия и так долго не выпускал из своих рук, что Саша сразу согрелась в уверенности, что Женька соскучился в ожидании ее. Это было не передаваемо словами: как коснулся щеки ладонью, словно убедился, – это явь, а не сон, и она, долгожданная, стоит на перроне московского вокзала. Как схватил и поцеловал ладошки – нет, не надо их греть, они пока хранят тепло железнодорожного вагона. Держал сумку и смотрел в глаза и, наконец, подхватив крепко под руку, потянул стремительно к выходу.

Он был без шапки, в теплой канадке с откиннутым капюшоном, нос и щеки немного тронул морозный ветер, снежная пыль успела запорошить волосы, плечи, мех капюшона. В машине взгромоздил на колени замотанный в целлофан шикарный букет.

Огромный город отдыхал от праздничной суматохи. Машин на улицах было немного, точно Москва вернулась к своим до перестроечным истокам, потеряв сотни тысяч приезжих, отхлынувших в отлив праздника к себе домой на долгие десять дней.

С улицы в помещении было тепло. Женина квартира на третьем этаже элитной многоэтажки полностью соответствовала своему названию – служебная. Модная, темно-фиолетовой, почти черной расцветки бездушная мебель на фоне незапоминающихся обоев, большой холл-зал с вывертом дивана и кресел с маленьким журнальным столиком в самом центре, с плоским телевизором на полстены были точной копией рекламного вкладыша модного журнала.

В огромное окно заглядывал угол соседнего многоэтажного дома, стоящего вроде и не близко, но расстояние позволяло видеть изнанки квартир напротив на два этажа вниз, и потому в собственной квартире была приготовлена тройная защита в виде цветной тюли, жалюзи и плотных, почти жестяных шелковых штор до пола. Пустынная спальня с кроватью на полкомнаты, квадратная со стандартной мебелью кухня – Саша представила, как одиноко здесь одному человеку, хотя в углу прихожей торчала современная напольная ваза с букетом гроздьев и листьев из пластмассы, создавая иллюзию уюта. А напротив окна на стене висела тоже темная картина ночного Лондона с неизменным Биг-Беном. Эту безликость, однотипность не разбавляли даже светлый ворс дорогого ковра на полкомнаты и большой электрический камин в углу.

Кто оформлял весь этот дизайн квартиры, творил, как сказал бы дед Саши, «Ни для сэбэ», то есть модно, дорого, но не для себя.

И впервые за все время их непродолжительных встреч закралась предательская мысль: «Как Женька мог терпеть одиночество вот здесь, в этих пустых, гулких, нежилых стенах, когда

не было командировок? И, вероятнее всего, он и не терпел, чтобы не ложиться одному в холодную кровать с шелковыми скользящими простынями какого-то лилового сумрачного, разбавленного золотыми разводами цвета».

«И крыть тебе, Саша, как говорится, было нечем. Если и не приводил сюда горячих женщин, то, может быть, находил понимание и тепло в другой, более обустроенной и обжитой квартире своей сотрудницы или просто подруги».

«Сама виновата», – Саша села прямо в шубке на диван, уронила варежки на пол. Отгородиться от жизни, замкнуться в своей беременности, как дома, здесь явно не получалось.

– Сашенька, я тебе сейчас такой пир устрою. Будем Новый год заново встречать. – Женя забрал шубку, шапку, варежки, отнес в прихожую. Принес из кухни вазу, освободил от обертки букет роз, и журнальный столик ожил, когда ему доверили роскошь дивных цветов.

– Знаешь, я, честное слово, здесь уже неделю не появлялся. Прилетел из Германии. Был там у своих сестер на рождество, а здесь отчеты, встречи, – жил в гостинице. Давай разбавим пустоту квартиры, сделаем ее жилой. Первое – включаю камин. Второе – после завтрака поеду на поиски елки или натуральной сосны. Да, я вчера холодильник продуктами забил. Давай завтракать. Сейчас всего лишь девять часов, но ты же – птичка ранняя.

Саша чувствовала себя именно, как в гостях: чужая в чужой квартире, где натянулась тоненькая ниточка их отношений, готовая или дальше растягиваться до опасной длины, или разорваться от напряжения, и тогда нужны будут усилия, чтобы не видеть и не касаться узелка связи.

На кухне закипел чайник, соблазнительно запахло свежесваренным кофе. Женя сделал бутерброды, разрезал на большие куски шоколадный торт. Саша невольно улыбнулась: одно помещение стало обитаемым – ожила кухня.

Она снова увидела деятельного, прежнего Женю, который никогда ничего не откладывал на потом. Он молча за руку притащил ее в ванную комнату и стал помогать раздеваться, включив воду в душевой кабине. Большое зеркало сразу запотело, и Женя, отвернувшись от смутившейся Саши на секунды, нарисовал на нем две круглые рожицы.

И все сразу стало на свои места. И не важно, где ты – в лесной избушке с поющими комарами, в модном отеле на турецком берегу, в палатке на берегу холодного ручья в Карелии. Самое главное – рядом с тобой единственный человек, который предан тебе, для которого в данный момент ты – единственная и неповторимая, – и весь мир сужается только в пространство для двоих.

И они согрели лиловые скользкие простыни теплом своих тел, и ночная картина с Биг-Беном вдруг вспыхнула сверкающим множеством электрических ламп, засветившихся от проникающих неярких лучей сурового зимнего солнца, неизвестно, как пробившегося через заснеженные тучи январского дня.

А потом к обеду Женя притащил почти трехметровую сосну, и тоже стало совсем неважно, что она была из подмосковных лесов, но запах отходившей от мороза хвои был точно такой же, как если бы срубили и внесли в тепло сосенку из верхнеерусланского леса, добавив листочек с печатью лесхоза: «Порубка разрешена».

И вдруг выяснилось, что в квартире нет ни одной елочной игрушки, и пришлось выйти на прогулку пешком до соседнего супермаркета.

Потом лепили пельмени. Женя резал зелень и такой жестокий лук, что Саше пришлось зажечь толстую розоватую свечу и смотреть на огонь, чтобы, прослезившись от едкого запаха, перестать шмыгать носом.

Елку поставили посередине зала, сдвинув диван и кресла к стенке. Когда потушили свет люстры, тотчас окунулись в волшебство таинственного, завораживающего, существующего само по себе, независимо от людей, танца синих и зеленых огней гирлянд. Они, словно договаривались, спорили, обижались, меняя режимы произвольно, в их разговоре Саша и Женя

сначала попытались уловить какой-то смысл, зашифрованную связь, но потом просто погрузились в мир согревавших душу сказочных огней.

Выпили шампанского без боя курантов, загадав желания в объятиях танца под музыку Женькиного ноутбука. Желания были два общих на двоих – дождаться малыша и никогда не расставаться.

Глава 3. НЕОЖИДАННОЕ ИЗВЕСТИЕ

А в гулкой пустоте сонного утра третьего января вдруг раздался тревожный, неожиданный звонок – сегодня, третьего января, ночью, в двадцать три часа из Израиля в Москву должны прилететь бывшая жена Жени Мария с его дочерью Эрикой на три дня.

У Саши было такое чувство, будто впопыхах села не в свою, нужную маршрутку где-то под вечер. Усаживаешься на свободное место поудобнее, достаешь деньги за проезд и вдруг замечаешь в быстро темнеющих сумерках за окном совсем другой, незнакомый пейзаж. Слышишь чужие названия остановок, и первое единственное желание – сорваться с места и выскочить поскорее, чтобы не оказаться в запутанном лабиринте совершенно чужого района, на неприятно незнакомой улице, где и домов почти нет, одни заборы, и практически нет прохожих, которые могут запросто вместо ответа торопливо ускорить шаги.

До бразильского сериала пока было далеко, но завязка уже наклеивалась. Женя сидел, откинувшись, на диване, сцепив ладони на затылке, уставившись в прямоугольник окна, за которым был виден только кусочек бесцветного неба из-за нависшей громады бесконечных монолитов зданий, слепленных в кучу, словно грибное гнездо поздних опят в лесу.

– Сашенька, иди ко мне, – он встал с дивана, за руку притянул с кресла к себе на колени молчаливую, едва проснувшуюся Сашу, обнял за плечи, прижал к себе. – Не думал, что все так получится. Ты только не нервничай! Три дня пролетят быстро. Я обещал своей девочке Эрике показать Москву, когда летом был у них в Израиле. И вот сейчас она хочет увидеть русскую зиму.

– Ты с ними будешь по-немецки разговаривать? – Саша спросила, лишь бы не молчать в настороженной тишине квартиры.

– Да, по-немецки, или на английском, как придется, – Женя поцеловал Сашу за ушком, отчего она всегда начинала смеяться – щекотно. – Надеюсь, ты меня не будешь ревновать к моей бывшей супруге?

Но сейчас Саше было не до смеха. Она представила, как четырнадцатилетняя девочка – подросток рвется в загадочную снежную Россию из жаркого Израиля. Каким тонким, как лезвие бритвы, может быть любой прокол отца в течение этих трех таких непростых дней для обоих – отца и дочери – взаимоотношений, да еще в присутствии постоянного наблюдателя – матери, неизвестно, как настроенной к этим встречам.

Саша понимала, как сейчас растерян Женя, оказавшись в такой тупиковой ситуации, еще больше усугубившейся из-за ее, Сашиного, несвоевременного приезда. И, несмотря на его оптимизм, решительность найти выход из любой критической ситуации, именно сейчас ему нужна была поддержка педагога, психолога, чтобы не наломать дров и не наделать глупостей, из-за которых могли наступить осложнения в будущем между отцом и дочерью.

И здесь помощь Саши была просто необходима. Прежде всего, ей нужно было на время забыть о себе, своих планах, полностью раствориться только в проблемах Жени, сколько потребуется. Нужно было его встряхнуть, ненавязчиво предложив план действий:

– Женя, мы сегодня будем завтракать? Я вчера не хотела торт, а сейчас не отказалась бы от чашечки твоего чудесного кофе. Пошли на кухню и за столом все обсудим. – Саша ладонью взлохматила Жене прическу, пока еще легко вскочив с его колен. Фигура начинала портиться. Живот уже нельзя было при желании втянуть, как прежде. Он начинал немного выступать вперед, хотя со спины совсем не было видно увеличения веса.

Саша представила в этой ситуации свою дочь Аннушку, но тотчас сердце тоскливо завихрило – нет сравнения. Отец Аннушки никогда не появится.

«Выключи свои эмоции, навредишь малышу, мамочка», – приказала тотчас же мысленно сама себе Саша, опять ненароком коснувшись запретной темы о муже Косте, пока доставала из холодильника продукты и накрывала на стол.

Ревности к бывшей супруге Жени не было. Но Саша в очередной раз ужаснулась: мы совсем не знаем даже близких нам людей, хотя проводим с ними большую часть своей жизни. Внутренний мир каждого из нас за тысячью замков и замочков, и видимая часть жизни, поступков, желаний, мыслей – это только микроны того неведомого глубинного макрокосмоса по имени – близкий человек. Который пришел в этот мир с неведомой целью, пройдет с тобой по дороге жизни и уйдет в небытие, непознанный, закрытый, оставив лишь легкий, теплый отблеск своей любви.

Женя позвонил в отель, заказал номер на три дня. Потом заказал столик в известном ресторане, чтобы сводить гостей пообедать. Билетов в Большой и Малый театры не было, но Женя договорился насчет билетов на сказочное представление в Большом Кремлевском дворце. Он заметно занервничал, когда Саша решительно сказала:

– Женя, меня в эти три дня нет в Москве! Договорились? Нет, я буду здесь, рядом, в квартире, но ради дочери забудь временно о моем существовании. А я спокойно посмотрю Москву: Третьяковку, Кремль, Красную площадь, метро. Нет, и в ресторан я не пойду. Потом сходим вдвоем. Я не говорю по-немецки, во-первых, а во-вторых... И она прочитала ему лекцию.

Из психологии Саша знала, что каждый ребенок проходит три стадии своих отношений с родителями: первая – дети любят родителей и принимают их. Вторая – дети ненавидят родителей и не принимают их. И, наконец, дети прощают родителей и понимают их.

Подростки сосредоточены на себе, на своих проблемах. Им чрезвычайно важно внимание окружающих к его личности, их равнодушие к достижениям и удачам. Подросток ищет у друзей и родителей понимания, одобрения, восхищения.

За короткий период он, Женя, должен стать из формального отца настоящим другом. Дружба для подростков значит очень многое. Оценка и положительная эмоциональная поддержка родителей приобретают для него первостепенное значение. Ведь их основные особенности – концентрированность на собственной личности, стремление к самостоятельности, независимости, взаимоотношениям с противоположным полом.

Саша видела, что Женя уже не здесь. Все ее слова он, как примерный студент, уже мысленно перевел в практику – куда пойти, что предпринять, что показать в огромной столице огромного государства, чтобы путешествие за тысячи километров от дома, действительно, оставило в детской душе, если не восторженный, то хотя бы неизгладимый след на всю оставшуюся жизнь.

Женя еще засветло уехал через пол-Москвы в аэропорт Шереметьево, по пути завернул в отель, купил цветы.

Саша включила очередной «сладкий» телевизионный фильм, открыла книгу. Но сегодня точно не читалось. А потом потушила свет в зале. Облокотилась на подоконник, сдвинула все шторы и стала смотреть с третьего этажа на паркующиеся под окном машины, на бегущих с поднятыми воротниками, в легких курточках людей, подгоняемых пронизывающим январским ветром, к спасительному теплу закрывающихся подъездов, на мерцание елочных гирлянд в доме напротив.

«Хоть бы не сорвался на какой-нибудь мелочи. Ведь подростки прислушиваются к нам только в том случае, если наш интерес к их проблемам будет искренним, внимание – неподдельным».

Но сейчас она, Саша, ни в чем не могла помочь Жене. Чужая тетка с округлившейся талией в роли подруги отца Эрики, да еще рядом с несравненной мамочкой – тут не нужно быть никаким, даже самым захудалым психологом, чтобы понять, какой удар был бы нанесен неокрепшей душе его дочери.

В эту ночь Женя дома не ночевал.

А рано утром заскочил на час, принял душ, переоделся в новый, видимо, парадный синий костюм, белую рубашку. Стал выбирать галстук, потом махнул рукой и оставил верхнюю пуговицу на рубашке не застегнутой. Без парада и официальности стал похожим на растерявшегося, собирающегося на торжественную церемонию бракосочетания смущенного жениха. Подошел, обнял за плечи Сашу, сидевшую на стуле под сосной, виновато улыбнулся:

– Потерпи, Сашенька, и извини, что так все получилось. Понимаешь, они в самолете выпались, и Эрика начала показывать мне видеофильм о своей жизни в Израиле. Не смог я своей девочке сказать: – Давай завтра посмотрим.

«Только не нервничай. Сейчас ему не до тебя», – Саша представила, как в полночь вышедших из самолета на летное поле Шереметьево Жениных гостей в осенних курточках и шапочках прохватил арктический холод и ветер ночной Москвы.

Она вспомнила, как Женин подарок – шубка и сапоги – в ее школе произвели такую же сенсацию, как и известие о ее беременности.

– Женя, послушай меня. Перед посещением ресторана, сейчас же, утром, отвези гостей в специализированный меховой салон или магазин. Нужно одеть их в русские меха. Будут отличные подарки, и не замерзнут. Обещали минус двадцать.

В комнате наступила такая тишина, что стало слышно даже через толстые многослойные пластиковые окна глухой надоедливый звук включившейся во дворе сигнализации затронутой кем-то машины.

Женя застегнул зимние ботинки и, держа куртку в руках, застыл в проеме двери. «Что-то не то сказала?» – мелькнуло в голове у Саши.

– Сашенька, ты – необыкновенная женщина. Чем больше я тебя узнаю, тем больше ты меня удивляешь. Ведь мне это даже в голову не пришло. В машине тепло, комфортно. Сашенька, всегда помни: ты для меня – одна, единственная. Других просто нет. Не грусти! – и он уехал.

Саша, перекусив, собралась на экскурсию по Москве

Детская память сохранила воспоминания недолгих сборов ее с мамой в Москву. Домик бабушки в Малаховке недалеко от детского санатория или лагеря, где галдели подростки и малышня в ярких футболках и одинаковых панамах. Огромный участок леса с высоченными соснами, огороженный обычным деревянным забором, где жил какой-то генерал в отставке, и в ярком разнотравье на лужайке опушки – море спелой душистой лесной земляники.

А потом – путешествие в метро. На улице с удивительным названием Оружейный переулок жила родная тетя с тремя детьми, Сашиними ровесниками. И было удивительно, как они все размещались в одной огромной комнате, а рядом в двух других комнатах жила еще семья, и все собирались в общей кухне таким дружным шумным табором, как бывало летом в селе, когда у реки вдруг появлялись пестрые палатки приехавших цыган.

И самое удивительное чудо – лифт, на котором Сашу катали по очереди все новые родственники.

И еще запомнились дожди. Если дома за все лето на пыльную засушенную землю не падало ни капли, то в Москве мама в первый же день приезда купила роскошный, с веселыми яркими разводами зонт. Потому что после обеда зарядил на два часа такой неожиданный дождь, после которого над рекой повисло в лучах вымытого солнца волшебное коромысло радуги, по улице бежали мутные ручейки, а трава, деревья, кусты заблестели освеженные, чистые, радостные.

Женя приехал после одиннадцати ночи, когда Саша, укрывшись пледом, задремала на диване в зале под трансляцию по телевизору концерта известного певца.

Сбросив прямо на пол свою канадку, присел рядом на диване, отвел холодной ладонью прядь с лица:

– Раздевайся, соня! Сейчас узнаешь, как я тебя люблю!

И Саша почувствовала, как он взволновал, счастлив, нетерпелив. Но впереди у Жени было два, может быть, еще более напряженных дня.

Глава 4. ЭРИКА

Пятого января Женя позвонил из какого-то роуминг-клуба в одиннадцать часов дня. Слышны были шум, музыка, разговоры. Потом голоса стихли, видимо, вышел в коридор или на улицу

– Сашенька! Эрика хочет посмотреть, как мы живем, и познакомиться с тобой. В пятнадцать часов я ее привезу. Торт, фрукты, вино я куплю. Сделай какую-нибудь нарезку и все, не беспокойся.

«Нет, не привози!» – именно это он боялся услышать. Женя понимал, что вместо спокойного и приятного ожидания уговоров переехать в Москву, теперь непосредственно здесь, на месте, где он хотел доказать невозможность в дальнейшем жить порознь, за тысячи километров друг от друга, всю ущербность таких отношений, он оставлял ее одну наедине со своими нерадостными мыслями. А за окнами гудела столица, куда ежедневно устремляются тысячи граждан страны в поисках работы, высоких заработков, создания карьеры, семьи, приобретения новых профессий, ради развлечений, или чтобы потеряться в мегаполисе, короче, для реализации своих надежд и планов.

Здесь, в лучшей клинике, под наблюдением лучших врачей Саша летом родила бы сына, и заволжское село осталось бы только местом встречи ее с родителями, которых со временем можно было перевезти поближе

– Хорошо, я вас жду, – Саша вроде даже не удивилась звонку, наверное, просто в душе была готова и к такому повороту событий.

«Только бы скорее прошли эти два оставшихся дня, когда он помашет своей дочери, а заодно и бывшей супруге с пожеланием благополучного полета через барьер в зале регистрации, – Сашенька, потерпи эти оставшиеся два дня! Пожалуйста!» – это он хотел ей сказать, но промолчал.

Бывшая супруга, надо отдать ей должное, сначала вела себя нормально. В аэропорту при встрече подставила щеку для поцелуя, но Женя предусмотрительно протянул букеты в пластиковой упаковке сначала именно Марии, а потом дочери, обняв и поцеловав ее. И повел дочь, взяв ее под руку, а другой рукой – сумку-чемодан, через просторный зал ожидания к машине.

Его бывшая жена заметно прибавила в весе, округлилась. Вместо привычной завивки на голове теперь была короткая стрижка с челкой-вихром над правой нарисованной бровью, закрывающей, как крыло птицы, половину уха с увесистой вязью восточной серьги.

Пестрый арабский шарф висел хомутом над свитером и распахнутой ярко-красной кожаной курточкой, подчеркивая необъятность груди. Сегодня это была совершенно чужая женщина, мать его дочери, при виде которой даже не дрогнуло сердце.

Нет, неправда. Сердце забилося взволнованно, потому что рядом стояла его дочь, которую он не видел ровно полгода, и которая знала только несколько русских слов. Именно эту девочку без слез не могли вспоминать перед смертью его родители.

Теперь она стояла рядом, взрослая, со светлыми густыми волосами, как у него. Его дочь. В машине она села рядом с ним. В отеле смело сама взяла под руку, всячески подчеркивая свое расположение к отцу.

А как она радовалась, словно ребенок, примеряя шубки в салоне. Мария смотрела на ценники, а девочка – только в зеркало и на него, ожидая одобрения. А продавщица видела идеальную иностранную семью, говорящую, то на английском, то на немецком языках, с симпатичным папой, обратившимся к ней вдруг на чистейшем русском языке: «Наверное, из иностранного посольства».

Женя понимал, что сделать такую петлю из Израиля до Берлина через Москву, его бывшую супругу заставило вовсе не желание ребенка посмотреть экзотику заснеженной Красной площади, а более реальные планы.

Почувяв запах увеличения ежемесячных денежных поступлений на содержание дочери за последние полгода, она, видимо, опять обдумывала новый проект изымания денег теперь у русского отца под заботу о дочери для всей израильской семьи.

Ее нынешний муж работал обычным химиком в фармацевтической кампании и был, конечно, не против дополнительных денежных вливаний в бюджет увеличившейся семьи – четыре года назад в семье появилась еще одна совместная девочка.

Женя не ошибся. Когда в ночь встречи в аэропорту, он, мучительно преодолевая желание пойти и улечься поспать в соседнем номере, досматривал специально смонтированный фильм о жизни Эрики, его супруга незаметно для дочери положила ему на колени записочку на немецком языке: «Нам нужно срочно поговорить без присутствия дочери».

И если доверчивая Сашенька переживала о подарках для гостей, то Женя хорошо понимал: цена прилета, конечно же, не ограничится заказом билетов до Берлина и на обратный путь домой, плюс n-ой суммой на развлечения. И в итоге вместе с ценой будущего проекта все это грозило кредитом в своем же банке.

Женя всегда был против жизни взаймы из-за неустойчивых курсов всех валют на мировом рынке. И вот этот будущий разговор с бывшей супругой добавили ту самую ложку дегтя в бочку радости от встречи со своей кровиночкой, выросшей без него в далекой жаркой стране.

И никакие подарки и развлечения за эти два с половиной дня не смогут заполнить то пространство упущенных возможностей видеть и растить своего ребенка, находясь рядом, дышать с ним одним воздухом, видеть ежеминутно, постоянно, держать за руку.

Эта несправедливость в жизни тогда, давно, в юности, была вовсе неосязаемая, когда женился без особой любви, а потом развелся, уехал на учебу в другой город, не желая жить без любви. Но это было фактически эгоистическим предательством своего ребенка, ни в чем не виноватого, и который, конечно же, вырастет и, может быть, даже будет счастливым, но эта обожженность разлукой, как солнцем даже краешка цветочного листка, все равно будет незаживающей раной на всю оставшуюся жизнь.

Кто-то мудро заметил: «Хочешь прожить на свете подольше, всегда будь готов к самому худшему». Существует специальная шкала цветовых уровней опасности – зеленый, желтый, оранжевый и красный. Черного нет. И сейчас для Жени был уровень, близкий к оранжевому, из-за боязни потерять Сашу. «Ведь он, так уговаривая ее приехать в Москву, опять думал только о себе, эгоист несчастный».

Взять и выдернуть любой куст, да нет, даже бережно пересаживая растение из маленького горшка в большой, добавляя специальную землю и поливая, никто не гарантирует, что ты не помял или не оборвал тоненькие корешки, не повредил основной корень, не поранил ствол или листья. Да, растение укоренится, через несколько недель или месяцев даже зацветет, но все равно останется в его памяти на клеточном уровне тот стресс, который растение пережило при очередной пересадке.

А он с первых минут встречи с Сашей там, в селе, и после своего возвращения каждый раз тянул ее сюда, в Москву. И вот теперь она одна в огромном городе, в пустой необжитой квартире, наедине со своими мыслями, например, об Аннушке, встречу с которой на зимних каникулах она отодвинула из-за него, его желания быть вместе. А сейчас с мыслью – почему не вернулся ночевать? И это в период, когда ей противопоказаны стрессы и нужен только позитив и ежедневные пешие прогулки на свежем воздухе.

И тут в номере, в это недоброе время между двумя и тремя часами то ли ночи, то ли утра, наступил вдруг момент, которого Женя не ждал, но мог бы предположить заранее, если бы

не боролся яростно со сном, не имея возможности взбодриться большой чашкой крепко заваренного кофе.

Эрика выскочила на минуту в туалет, оставив своих родителей наедине. И его бывшая супруга, возлежавшая на диване в пестрых пижамных брючках и спортивной майке, не особо скрывающей ее прелестей, вдруг очень прытко и жестко, за несколько секунд обхватила его сзади, положив свою роскошную грудь в обтягивающей майке ему на плечи и дыша в ухо приторно мятным запахом Орбита:

– Ты в каком номере? Девочку уложу и приду к тебе. Вспомним молодость

«Главное, спокойствие, – приказал себе Женя. – Эту бюргершу нельзя злить. Иначе испортит своей истеричностью всем времяпровождение в Москве, включая дочь».

Он неторопливо отодвинул располневшие руки со своих плеч и спокойно, сам удивившись своей выдержке, сказал:

– Здесь во всех номерах видеокамеры, дорогая. Ты же в России, не забывай! Я еду сейчас домой к своей молодой жене. Поговорим завтра. В одиннадцать часов я заеду за вами, и мы пообедаем в ресторане. Эрика, спокойной ночи!

На часах было три часа. У дежурного администратора, дремавшего у большого телеэкрана с приглушенным звуком, он оплатил небольшой скромный номер, находившийся на другом этаже, в противоположном конце отеля, чтобы избежать даже случайной встречи в это невозможное для прогулок время с проснувшейся страстью бывшей супруги.

А если Саша, не дождавшись его, представила именно такое продолжение или, вообще, другой исход встречи в аэропорту Шереметьево?

«Бедная девочка. Нужно было позвонить раньше. А сейчас таким поздним звонком не только напугаешь, но и лишишь сна. Вот навалилось все сразу», – это была его последняя мысленная фраза, прежде, чем он провалился в беспокойный сон, едва натянул на себя мягкое одеяло в хрустящем крахмальном пододеяльнике, приказав себе подняться ровно в семь часов.

Глава 5. ЗНАКОМСТВО

Пятого января Саша утром после отъезда Жени сходила в супермаркет, увидела аппетитные плоды яркого заморского перца. И вдруг ощутимо почувствовала аромат солнечных овощей на высоких устойчивых кустах в огороде, с длинными на полметра толстыми корнями. Когда с глянцевых, словно облитых растительным жиром, гигантов, с пятизвездочных скромных белых цветков, не задерживаясь, сбегает струйки воды из шланга или лейки. И земля, вздохнув влагу, начинает благоухать тем неповторимым запахом солнца и свежести, который неудержимо привязывает к себе на всю жизнь любого сельчанина.

Фаршированные рисом, мясом, овощами перцы в томатном соусе были их фирменным семейным блюдом, и теперь уже на лестничной площадке этот летний аромат встретил Женю и Эрику.

Поговорить с матерью Эрики в боулинг-клубе Жене не удалось. Было шумно и слишкомлюдно. Да и его девочка не отходила от него ни на шаг, шепнув:

– Папочка, я очень хочу посмотреть твою жену.

Саша стояла у накрытого стола на кухне в черных брючках, подчеркивающих ее стройные ноги на высоких каблуках, в тонком шерстяном джемпере с открытой шеей, с закрученной высоко на затылке косой. И, действительно, они были почти одного роста, но Эрика в сапожках без каблуков была в жизни уже выше Саши.

«Оставить ее в России на учебу, – вдруг подумал Женя, – выучить языку, а Саша найдет с ней общий язык, несомненно».

Но сам себя вернул на землю: «Мечтать не вредно». Ведь ему предстояло сейчас до праздничного вечера в Кремлевском дворце быть переводчиком у двух любимых им Саши и Эрики в этом непростом диалоге.

Бывшая супруга скривилась презрительно, когда Женя сказал твердо:

– Ты займись собой. Через два часа мы за тобой заедем, – и завез Марию по пути в разрекламированный фитнес-клуб, оставив ей одну из своих кредитных карточек.

Эрика молча обошла всю квартиру и остановилась перед нарядной сосной. Саша тоже молча включила всю цепь гирлянд, которые были в виде разноцветного бегущего дождя на шторах, в проеме над дверью и на самом дереве.

Да, Москва зимой, особенно в период зимних каникул, с многометровыми празднично разукрашенными волшебницами-елками на площадях и у станций метро, с бесшабашным разливом световых, не повторяющихся картин, завораживала, опьяняла бесконечным буйством фантазии, огромными вложениями на это торжество света, простора, разгула северного карнавального парада над холодом, вьюгами, злыми морозами.

Эрика застыла, очарованная световой гармонией в зале, а, может быть, просто привыкала и со своей детской непосредственностью и прозорливостью давала возможность собраться, прийти в нужное состояние отцу и его жене. Или она просто старалась рассмотреть и запомнить незнакомую женщину, ставшую спутницей, заменившую ее мать на жизненной дороге отца.

В комнатах вкусно пахло летом, травами, мясом, и эта мудрая девочка легко разрешила все вдруг зависшие в пустоте молчания проблемы:

– Папа, я хочу есть. Очень вкусно пахнет.

Женя перевел, и сразу все пришли в движение, как куклы в детском музыкальном театре – тряпичные, тростевые – вдруг оживают от умелых, старательных, талантливых рук артистов на сцене ненастоящей, призрачной жизни, и вдруг незаметно погружаешься в разыгранный мир глубоких человеческих страстей.

И, услышав о таком детском непосредственном желании в переводе отца, Саша, вся напряженная, не ждущая ничего хорошего для себя, вдруг увидела смущенную, скованную

девочку-подростка, которая тоже внутренне боится сделать что-нибудь не так, обидеть немного растерявшегося, зажатого отца, который явно с неохотой согласился на эту встречу. И, как заметила Эрика, у которого было непонятно виноватое лицо там, в боулинг-клубе, когда он позвонил по телефону своей новой жене, о чем-то говорил одну минуту, а потом выскочил в фойе, словно Эрика с матерью могли понять без перевода непонятную русскую речь.

Саша молча стояла с половником у плиты, в данный момент очень сожалея, что за долгие годы, отгородившись проблемами своей семьи, школы, у нее даже не мелькнула мысль выучить иностранные языки заочно на курсах ЕШКО, по телевизору, да элементарно за деньги у учительницы иностранного языка. Ведь вряд ли бы она отказалась. Но нет, просто не хватило ума. Приземленность, предопределенность жизни в рамках сельской обыденности, неверие, что можно выскочить за рубеж, представление, что языкам учат своих отпрысков только обеспеченные и продвинутые родители, – теперь создавали проблему непонимания, отстраненности.

И как когда-то Женька сказал зло: «Теперь с турника не слезу», – Саша вздохнула с сожалением: «Если бы знала языки! Обязательно выучу и немедленно английский! А ведь учила немецкий язык в школе семь лет и два года в университете, научилась читать со словарем и понимать, о чем идет речь по отдельным словам, и все. И сейчас можно было только догадываться, о чем девочка спросила у отца. Будет ли она борщ? Или сразу наложить Эрике дымящиеся аппетитные перчики?»

Эта немота, глухота живого человека, когда даже прекрасная мелодия зарубежной песни гаснет, теряется от невозможности услышать поэзию слов, и все из-за собственной самоуспокоенности, самоуверенности, не требовательности к себе, что знаешь неплохо свой собственный русский язык и хорошо, и достаточно, или просто от ограниченности мышления, что все знать невозможно.

– Сашенька, налей Эрике всего один половник борща, пусть попробует наше национальное блюдо, – Женья протянул тарелку, их ладони встретились, и он несколько секунд стоял рядом, через это прикосновение, как бы говоря: «Сашенька, я рядом сейчас и буду всегда с тобой, чтобы не случилось, какие бы выверты жизни не подсовывала нам судьба».

Саша шепнула: – Женья, ты говори больше с девочкой, чтобы она освоилась здесь и не стеснялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.